

fan_zon

ПРОБУЖДЕНИЕ ЛЕВИАФАНА

ДЖЕЙМС КОРИ

Санкт-Петербург
«Издательство Фангастика Книжный Клуб»

fanzon
МОСКВА 2017

УДК 82/89
ББК 84(7Coe)
К 66

Copyright © 2011 by Daniel Abraham and Ty Franck

All rights reserved. Except as permitted under the U.S. Copyright Act of 1976, no part of this publication may be reproduced, distributed, or transmitted in any form or by any means, or stored in a database or retrieval system, without the prior written permission of the publisher.

Перевод с английского Галины Соловьевой

В оформлении переплета использована
иллюстрация А.К. Agency / Stephan Martiniere

ISBN 978-5-91878-223-1

© Издание на русском языке.
ООО «Издательство Фантастика
Книжный Клуб», 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Благодарность

Эту книгу, как иного ребенка, мастерила целая деревня. Я хотел бы выразить глубокую благодарность своим агентам, Шауне и Дэнни, и редакторам, Донг Вону и Даррену. Также полезны на ранних стадиях работы над книгой были Мелинда, Терри, Эмили, Ян, Джордж, Стив, Уолтер и Виктор из писательской группы «Критическая масса» в Нью-Мехико и Кэрри, читавшая первые наброски. Дополнительная благодарность Яну, помогавшему разобраться с математикой и не ответственному ни за какие ошибки в моем понимании таковой. За мной огромный долг Тому, Сэйк-Майку, Не-Сэйк-Майку, Портеру, Скотту, Радже, Джефу, Марку, Дэну и Джо. Спасибо, ребята, за бета-ридинг. И наконец, особая благодарность авторам «Футурамы» и Бендер Бендинг Родригез, нянчившим ребенка, пока я писал.

*Посвящается Джейн и Кэт, научившим меня
мечтать о космических кораблях*

Пролог Джули

«Скопули» захватили восемь дней назад, и Джули Мао наконец приготовилась умереть.

Чтобы дойти до точки, ей понадобились все восемь дней заключения в шкафу-кладовой. Первые два она провела без движения, в уверенности, что вооруженные люди, кинувшие ее сюда, не шутили. Несколько часов сразу после абордажа корабль, на который ее перевели, не включал тяги, так что она плавала в шкафу, тихонько отталкиваясь от стен и скафандров, разделявших с ней тесное пространство. Когда корабль пришел в движение, тяга придавала вес ее телу. После этого она тихо стояла, пока судорога не свела ноги, потом села, свернувшись в позу эмбриона. Она мочилась в тренировочные штаны, не беспокоясь ни о теплой щиплющей влаге, ни о запахе и думая только, как бы не поскользнуться на мокром пятне, оставшемся на полу. Шуметь было нельзя. Застрелят.

На третий день жажда вынудила ее действовать. Кругом шумел корабль. Низко, на краю слышимости, гудели реактор и двигатель. Непрестанно слышалось шипение гидравлики и стук стальных запоров, когда открывались и закрывались герметичные переборки между палубами. Топали по металлической обшивке тяжелые башмаки. Она выждала, пока остались только отдаленные звуки, сняла с крюка скафандр и уложила его на пол. Настороженно вслушиваясь, медленно разобрала скафандр и извлекла контейнер с водой. Вода успела застояться: видно, костюм целую вечность не использовался и не проходил профилактики. Но она за два дня не выпила ни глотка, и теплая маслянистая вода из резервуара скафандра была для нее словно лучший в мире напиток. Ей пришлось изо всех сил удерживать себя, чтобы не выглотать все разом, не напиться до рвоты.

Когда ей снова захотелось помочиться, она вынула из скафандра мешок с катетером и облегчилась в него. Потом села уже не на пол, а на мягкий скафандр и устроилась так удобно, что получи-

лось задуматься, в чьи руки она угодила: флот ли это Коалиции, пираты или кто похуже. Временами она засыпала.

На четвертый день одиночество, голод, скука и наполнившиеся почти до краев контейнеры мочеприемников наконец толкнули ее на попытку контакта. Она слышала приглушенные крики боли. Где-то рядом избивали или пытали ее товарищей по команде. Если привлечь внимание похитителей, возможно, они просто бросят ее к остальным. Это будет хорошо. Побои она перетерпит. Это невеликая цена за возможность снова увидеть человеческие лица.

Шкаф располагался рядом с внутренней дверью шлюза. Во время полета сюда редко заглядывали – впрочем, она не знала, какой распорядок принят на этом корабле. Она обдумывала, что им сказать, как напомнить о себе. Разобрав наконец приближающиеся шаги, она решила было завопить, чтобы ее выпустили. И с удивлением услышала сухой хрип в горле. Она сглотнула, попробовала выжать языком немного слюны и сделала новую попытку. В горле опять слабо заклокотало.

Люди находились прямо за дверью. Тихо звучал чей-то голос. Джули размахнулась, чтобы ударить в дверь кулаком, и в этот момент разобрала слова.

– Нет. Пожалуйста, нет. Пожалуйста, не надо.

Дэйв. Ее корабельный механик. Дэйв, который собирал вырезки из старых комиксов и знал миллион шуточек, молил тихим прерывистым голосом.

«Нет, пожалуйста, не надо», – говорил он.

Заскрипели гидравлические запоры воздушного шлюза. Удар по металлу – что-то зашвырнули внутрь. Шипение отсасываемого воздуха.

Когда закончился цикл шлюзования, люди ушли от ее двери. Она не стала стучать.

Они дочиста выскребли корабль. Захват флотом внутренних планет считался нежелательным вариантом, но к нему они были готовы. Данные, касающиеся АВП, скрыли под видом записей обычного судового журнала с ненастоящими метками времени. Информацию, слишком секретную, чтобы доверить компьютеру, капитан уничтожил. Когда нападающие проникнут на борт, все будет выглядеть совершенно невинно.

Всего этого не понадобилось.

Их не спрашивали о грузе и приписке. Захватчики вели себя по-хозяйски, капитана Даррена отшвырнули пинком, как собаку. Остальные – Майк, Дэйв, Ван Ли – сразу подняли руки и вели себя смиренно. Пираты, работоторговцы или кто они там выволокли их с родного грузовичка и втокнули в стыковочную трубу, не дав даже надеть скафандров. Только тонкий слой майлара¹ отделял их от жестокой пустоты – и надежда, что майлар не прорвется, не то прощайте легкие.

Джули тоже не сопротивлялась, пока эти ублюдки не стали ее лапать и сдирать одежду.

Она пять лет занималась джиу-джитсу при низкой гравитации, а сейчас они находились в ограниченном пространстве и в невесомости. Она натворила дел. Даже было начала думать, что победа за ней, но возникший неведь откуда кулак в тяжелой перчатке ударил ее в лицо. После этого все стало расплываться. Потом был шкаф и «пристрелите ее, если станет шуметь». Четыре дня она не шумела, пока внизу избивали ее друзей, а потом выбросили одного из них из шлюза.

Через шесть дней все затихло.

Обрывки яви сменялись обрывками бреда, и она лишь смутно отмечала, как понемногу пропадают звуки шагов, голоса, низкий гул реактора и двигателя. Вместе с тягой исчезла и сила тяжести, и тогда Джули, вывалившись из сна, в котором вела свою старую гоночную шлюпку, обнаружила, что плавает над полом, и ее мышцы, сперва возмущенно вопившие, понемногу расслабляются.

Она толчком направила себя к двери и прижалась ухом к холодному металлу. Паника обуяла ее, пока она не расслышала тихое гудение воздушного фильтра. В корабле еще была энергия и воздух, но двигатели не работали, не открывались двери, никто не шагал по палубам и не разговаривал. Может, команду собрали на совещание. Или они устроили вечеринку на другой палубе. Или все были в машинном зале, занимаясь серьезной поломкой.

Целый день она прислушивалась и ждала.

На седьмой день кончилась вода. В пределах слышимости за двадцать четыре часа она не уловила ни звука. Она сосала пластиковую трубку, выломанную из скафандра, пока не выжала чуточку слюны: тогда она закричала. Она докричалась до хрипоты.

Никто не пришел.

На восьмой день она была готова умереть. Больше суток она обходилась без воды, последний мочеприемник наполнился че-

¹ Полиэфирный пластик, более прочный, чем полиэтилен. Лавсан. – Прим. переводчика.

тыре дня назад. Она уперлась плечами в заднюю стенку шкафа, а ладонями – в боковые. И что было силы лягнула обеими ногами. От судороги, последовавшей за первым ударом, она потеряла сознание. Внутри у нее все вопило.

«Глупая девчонка, – сказала она себе. – Это обезвоживание. И восьми дней без движения хватило, чтобы началась атрофия мышц. Надо было хоть разминаться».

Она размассировала сведенные мускулы, потянулась, сосредоточившись, как бывало в спортивном дождо¹. Когда тело стало слушаться, снова ударила ногами. И еще. И еще, пока по краям двери не стал просачиваться свет. И еще раз – теперь дверь прогнулась и висела на трех петлях и клапане.

И еще один, последний, удар, от которого клапан выбило из паза, и дверь распахнулась.

Джули выбросило из шкафа. Она заранее вскинула руки над головой и приготовилась принять угрожающий или испуганный вид – смотря по ситуации.

На всем уровне не было ни души: дверь шлюза, шкаф, в котором она провела восемь дней, еще полдюжины кладовых. Всюду пусто. Она нашла в инструментальном наборе скафандра магнитный ключ, подходящий для разбивания черепов, и двинулась к трапу, ведущему на нижнюю палубу.

Потом на уровень ниже, еще ниже. Каюты команды в строгом, почти военном порядке. Хозсклады – здесь были признаки борьбы. Медотсек – пустой. Торпедный отсек – никого. В кабине связи не оказалось дежурного, энергия отключена, дверь заперта. Палуба за палубой, помещение за помещением без признаков жизни. Что-то случилось. Утечка радиации. Ядовитый газ. Что-то, вынудившее их к эвакуации. Она задумалась, сумеет ли в одиночку пилотировать корабль.

Но если они эвакуировались, она должна была слышать их у шлюза?

Она добралась до последнего палубного люка, ведущего в машинный зал, и остановилась, потому что этот люк не открылся автоматически. Красный огонек на панели замка показывал, что вход запечатали с той стороны. Она снова задумалась о радиации или крупной аварии. Однако если дело в этом, зачем запирались изнутри? И сколько она прошла встроенных счетчиков на стенах? Ни один не предупредил об опасности. Нет, это была не радиация, а что-то другое.

И здесь не наблюдалось порядка. Она увидела кровь. Разбросанные контейнеры и инструменты. Что бы ни случилось, это слу-

---

¹ Зал для занятий джиу-джитсу.

чилось здесь. И кончилось за запертой дверью. У нее ушло два часа, чтобы с помощью сварочной горелки и инструментов из механической мастерской вскрыть люк в машинный зал. Гидравлика отказала, пришлось отжимать его руками. Из отверстия ударил теплый влажный воздух, он пах госпиталем без антисептиков. Меднистый, тошнотворный запах. Стало быть, камера пыток. Она найдет внутри друзей, избитых или разрезанных на куски. Джули взяла ключ на изготовку и решила, что, прежде чем ее пристрелят, успеет разбить хотя бы одну голову. И поплыла внутрь.

Машинный зал был огромным, с соборными сводами. В центре его возвышался ядерный реактор. Что-то с ним было не так. Она ожидала увидеть приборные табло, обшивку, мониторы, а вместо них реактор покрывало нечто вроде жидкой грязи, вытекавшей из сердечника. Джули медленно, придерживаясь одной рукой за трап, подплыла ближе. Незнакомый запах забивал все.

Грязь, запекаясь на реакторе, обладала структурой, какой она никогда не видела. Ее, подобно венам или трахеям, пронизывали трубки. Некоторые из них пульсировали. Значит, не грязь.

Живая плоть.

Маленький выступ качнулся к ней. В сравнении с целым он казался не больше пальца, мизинца. Это была голова капитана Даррена.

– Помоги, – сказал он.

Глава 1

Холден

Сто пятьдесят лет назад, когда мелкие разногласия между Землей и Марсом привели их на грань войны, Пояс Астероидов был дальним фронтиром с гигантским запасом минеральных богатств, недоступных для экономически выгодной разработки, а о внешних планетах и мечтать не приходилось. Тогда Соломон Эпштейн смастерил слегка модифицированный ядерный двигатель, пристроил его к корме своей яхты с командой из трех человек и запустил. В хорошую оптику и сейчас можно увидеть корабль, уходящий на субсветовой скорости в великую пустоту. Самые лучшие, самые долгие похороны в истории человечества. К счастью, схему он оставил в домашнем компьютере. Двигатель Эпштейна не подарил людям звезды, но открыл доступ к планетам. А кроме того – к Поясу.

«Кентербери» – длиной в три четверти километра, шириной в четверть, слегка напоминающий очертаниями пожарный гидрант и почти пустой внутри – перестроили из колониетского транспорта. Некогда он был битком набит людьми, провиантом, схемами, механизмами, жилыми пузырями и надеждами. Теперь на лунах Сатурна обитало около двадцати миллионов человек. «Кентербери» доставил туда почти миллион их предков. И сорок пять миллионов на луны Юпитера. Одна из лун Урана хвастала пятью тысячами населения и была самым дальним форпостом человеческой цивилизации – во всяком случае, до тех пор, пока мормоны не закончат строительство корабля, рассчитанного на несколько поколений, и не отправятся на нем к звездам и к свободе от ограничений рождаемости. И еще был Пояс Астероидов.

Если спросить вербовщика АВП, когда тот подвыпил и настроен экспансионистски, он скажет, что в Поясе сто миллионов населения. Спросите переписчика с внутренних планет – и получите около пятидесяти миллионов. Как ни смотри, население было велико и потребляло много воды.

Так что теперь «Кентербери» и другие транспорты принадлежали компании «Чисто-Прозрачно» и курсировали от колец Сатурна к Поясу и обратно, таская лед. И будут таскать, пока не развалятся на куски.

Джим Холден находил это поэтичным.

– Холден?

Он повернулся к ангарной палубе. Над ним возвышалась старший механик Наоми Нагата. Без малого два метра роста, копна курчавых волос собрана на затылке в черный хвост, на лице что-то среднее между усмешкой и злостью. Она, как все астеры, имела привычку не пожимать плечами, а поводить кистями рук.

– Холден, ты слушаешь или в окно засмотрелся?

– Есть проблема, – отозвался Холден. – И, поскольку ты очень-очень хороший механик, ты с ней справишься, несмотря на недостаток денег и материалов.

Наоми рассмеялась.

– Значит, не слушал.

– Вообще-то нет.

– Ну, суть ты все равно ухватил. Атмосферный двигатель «Рыцаря» не годится для посадки, пока я не заменю клапаны. Ну как – проблема?

– Спрошу старика, – сказал Холден. – Хотя когда мы последний раз использовали шлюпку в атмосфере?

– Ни разу, но по правилам нам положено иметь атмосферный челнок.

– Эй, босс! – заорал через весь отсек механик-землянин Амос Бартон и помахал в их сторону мясистой лапой. Он обращался к Наоми. Пусть капитан корабля – Макдауэлл, пусть его старший помощник – Холден, но боссом для Амоса была Наоми и только Наоми.

– Что там? – заорала в ответ Наоми.

– Повреждена кабель. Не поддержишь этого гада, пока я достаю запасной?

Наоми оглянулась на Холдена, спрашивая глазами: «Мы закончили?» С ехидной четкостью отдала честь и отошла от него – высокая и тонкая под промасленным комбинезоном.

Семь лет в земном флоте, пять лет работы в космосе со штатскими, а он так и не привык к невероятно длинным и тонким костякам астеров. Детство, проведенное в поле тяготения, раз и навсегда сформировало его взгляд на вещи.

У центрального лифта Холден на мгновение задержал палец над кнопкой навигационной палубы – хотелось увидеть Аду Тукунбо, ее улыбку, губы, волосы, надушенные ванилью и пачулями, – но нажал все же кнопку госпиталя. Прежде дело, потом удовольствия.

Медтехник Шед Гарвей согнулся над лабораторным столом, обрабатывая культю левой руки Кэмерона Пая. Месяц назад Паю прищемило локоть тридцатитонной ледяной глыбой, двигавшейся на скорости пять миллиметров в секунду. Обычная травма у народа, занимающегося рискованной работой по нарезке и транспортировке айсбергов в невесомости, и Пай принял ее с профессиональным фатализмом. Холден склонился над плечом Шеда, глядя, как техник выковыривает медицинских жучков из омертвевших тканей.

– Как дела? – спросил он.

– Вроде неплохо, сэр, – ответил Пай. – Сохранилось несколько нервов. Шед как раз рассказывал, как хорошо приживется протез.

– Если удастся контролировать некроз, – вмешался медик, – и мы не дадим ране затянуться до возвращения на Цереру. Я смотрел страховку – Пай прослужил достаточно долго, чтобы хватило на протез с обратной связью, тактильными и температурными сенсорами и программой мелкой моторики. На внутренних планетах изобрели биогель для регенерации конечностей, но наши медицинские страховки его не оплачивают.

– Ну и на хрен внутряков с их волшебными мазюками. Предпочитаю честный астерский протез всему, что эти ублюдки разводят в своих лабораториях. Может, стоит им намазаться, и станешь таким же засранцем, – сказал Пай и тут же добавил: – Ох, я не в обиду вам, старпом.

– Я и не обижаюсь. Рад, что тебя починят, – ответил Холден.

– Расскажи ему, Шед, – попросил Пай с озорной ухмылкой. У Шеда запылали уши.

– Ну, я слышал от других ребят с протезами, что, пока они приживаются, их трогать – все равно, что трогать чужой член.

Холден на секунду оставил это сообщение висеть в воздухе. Уши у Шеда стали совсем багровыми.

– Рад слышать, – наконец сказал Холден. – А некроз?

– В ране есть инфекция, – объяснил Шед. – Жучки ее контролируют, и вообще-то воспаление в данном случае только на пользу, лишь бы не дать ему распространиться.

– Он будет готов к следующему рейсу? – спросил Холден.

Пай впервые помрачнел.

– Да уж ясно, буду! Я всегда готов, сэр. Это ж моя работа!

– Возможно, – поправил Шед. – Зависит от того, как примется протез. Если не к ближайшему рейсу, так к следующему.

– Ни хрена, – перебил Пай. – Я и с одной рукой буду лучше рубить лед, чем половина сопляков, что у нас на борту.

– Опять же рад слышать. – Холден спрятал улыбку. – Держись.

Пай возмущенно фыркнул. Шед выковырнул еще одного жучка. Холден вернулся к лифту и теперь уже не колебался.

Навигационная рубка «Кентербери» не производила особого впечатления. Экраны во всю стену, какие мерещились Холдену, прежде чем он поступил на флот, действительно существовали на больших кораблях, но их ставили скорее из эстетических соображений, чем по необходимости. Ада сидела перед парой экранов чуть больше монитора ручного терминала, в углах мелькали показания работы реактора и двигателей, данные системы бежали по правому краю. Уши Ады скрывали толстые наушники, и из них почти неслышно гудели басы. Если «Кентербери» зафиксирует отклонение от нормы, она получит предупреждение. И об ошибке системы тоже. И о том, что капитан Макдауэлл покинул командный пост. Тогда она успеет отключить музыку и к его приходу примет деловитый вид. Среди тысячи черточек, привлекавших Холдена в Аде, было и умение наслаждаться жизнью. Он подошел сзади, аккуратно освободил одно ее ухо из-под наушников и сказал:

– Эй.

Ада улыбнулась и сняла наушники, оставив их болтаться на шее на манер ожерелья.

– Старший помощник Джеймс Холден. – Ее нигерийский акцент подчеркивал преувеличенную официальность обращения. – Чем могу быть полезна?

– Раз уж вы спрашиваете, – в тон отозвался он, – я как раз подумывал, что хорошо бы пригласить кого-нибудь к себе в каюту после третьей смены. Устроить романтический ужин из той дряни, что сварганят на камбузе. Музыка послушать.

– Винца выпить... – подхватила она, – правила нарушить. Мысль недурна, только я сегодня не в настроении для секса.

– Я не о сексе. Поедим, побеседуем.

– А я – о сексе, – сказала она.

Холден опустился на колени у ее кресла. Тяга давала одну треть g, так что в этой позе ему было удобно. Усмешка на лице Ады стала мягче. Монитор загудел. Она бросила взгляд на экран, ткнула в клавишу пуска и опять повернулась к Холдену.

– Ада, ты мне нравишься. То есть мне нравится быть с тобой, – сказал он. – И я не понимаю, почему нам нельзя посидеть вместе в одежке.

– Холден, миленький, брось это, а?

– Что бросить?

– Не пытайся сделать из меня невесту. Ты славный парень, у тебя классная задница, и ты хорош в койке. Но это не значит, что мы обручены.